

**ГЛАГОЛЬНАЯ МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА
КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ КАК ОСНОВА ТЕМПОРАЛЬНОГО ПЛАНА И
КОМПОЗИЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ЛИРИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

*САМСОНЕНКО Н. І. ДІЄСЛІВНА МОРФОЛОГІЧНА ДОМІНАНТА
КАТЕГОРІЇ ЧАСУ ЯК ОСНОВА ТЕМПОРАЛЬНОГО ПЛАНУ Й
КОМПОЗИЦІЙНОЇ СТРУКТУРИ ЛІРИЧНОГО ТВОРУ*

Стаття присвячена дослідженню того, як реалізується експресивний потенціал маркованих та немаркованих членів трьохопозитної системи часу дієслова в поетичному тексті за умов згущення однорідних за певним морфологічним параметром одиниць, що утворюють його домінанту, а також визначенню ролі морфологічної домінанти часу у створенні темпорального фону й у розгортанні композиційної структури ліричного твору. Аналіз особливостей поетичного функціонування дієслівної категорії часу дозволяє виявити деякі загальні закономірності функціонування морфологічних домінант у поетичному тексті та простежити ступінь участі членів трьохопозитної системи часу дієслова у формуванні експресивності цієї морфологічної категорії, що утворює дієслівну домінанту часу ліричного тексту. У статті стверджується, що згущення дієслівних форм одного з трьох часів дієслова призводить до утворення морфологічної домінанти часу, яка є важливою й невід'ємною частиною композиційної структури твору та бере участь у передачі поетичних смислів. Експресивність морфологічної домінанти теперішнього часу як категорії, що є немаркованим членом граматичної опозиції, менш помітна читачеві у порівнянні з дієслівними домінантами форм майбутнього і минулого часу. Однак форми теперішнього часу дієслова мають потужний семантичний потенціал та за умов їхньої актуалізації у поетичному тексті в складі морфологічної домінанти

передають широкий спектр значень й смислів. Форми минулого і майбутнього часу, що беруть участь у формуванні морфологічної домінанти, актуалізують один з темпоральних планів оповіді — минулого або майбутнього, а також виступають засобом поетичної виразності та способом розгортання ліричного сюжету поетичного твору.

Ключові слова: морфологічна домінанта, поетичний текст, категорія часу, морфологічна форма, актуалізація, згущення.

САМСОНЕНКО Н. И. ГЛАГОЛЬНАЯ МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ КАК ОСНОВА ТЕМПОРАЛЬНОГО ПЛАНА И КОМПОЗИЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ЛИРИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Статья посвящена исследованию того, как реализуется экспрессивный потенциал маркированных и немаркированных членов трехопозитной системы времени глагола в поэтическом тексте при условии сгущения однородных по определенному морфологическому параметру единиц, образующих его доминанту, а также определению роли морфологической доминанты времени в создании темпорального фона и в развертывании композиционной структуры лирического произведения. Анализ особенностей поэтического функционирования глагольной категории времени позволяет выявить некоторые общие закономерности функционирования морфологических доминант в поэтическом тексте и проследить степень участия членов трехопозитной системы времени глагола в формировании экспрессивности данной морфологической категории, образующей глагольную доминанту времени лирического текста. В статье утверждается, что сгущение глагольных форм одного из трех времен глагола приводит к образованию морфологической доминанты времени, которая является важной и неотъемлемой частью композиционной структуры произведения и участвует в передаче поэтических смыслов. Экспрессивность

морфологической доминанты настоящего времени как категории, являющейся немаркированным членом грамматической оппозиции, менее заметна читателю по сравнению с глагольными доминантами форм будущего и прошедшего времени. Однако формы настоящего времени глагола обладают мощным семантическим потенциалом и при их актуализации в поэтическом тексте в составе морфологической доминанты передают широкий спектр значений и смыслов. Формы прошедшего и будущего времени, участвующие в формировании морфологической доминанты, актуализируют один из темпоральных планов повествования – прошедшего или будущего, а также служат средством поэтической выразительности и способом развертывания лирического сюжета поэтического произведения.

Ключевые слова: морфологическая доминанта, поэтический текст, категория времени, морфологическая форма, актуализация, сгущение.

SAMSONENKO N. I. VERBAL MORPHOLOGICAL DOMINANT OF THE CATEGORY OF TENSE AS THE BASIS OF THE TEMPORAL PLAN AND THE COMPOSITION STRUCTURE OF THE LYRICAL WORK

The article is aimed to investigate the expressive potential of marked and unmarked members of three-component opposition system of the verb tense in a poetic text, provided that the units that form its dominant are homogeneous by a certain morphological parameter. The article also considers the study of the role of morphological dominant of tense in the temporal plan expression and in the unfolding of a lyrical work compositional structure. An analysis of the peculiarities of the poetic functioning of the verb category of tense allows us to identify some general patterns of morphological dominants functioning in the poetic text and to trace the degree of participation of members of three-component opposition system of the verb tense in the formation of this morphological category expressiveness, which forms the verbal dominant of the poetic text. The article claims that the condensation of one of the three tenses verb forms leads to the formation of the morphological dominant of

tense, which is an important and integral part of the compositional structure of the lyrical work and is involved in its poetic meanings expression. The expressiveness of the morphological dominant of the present tense as a category that is formed by an unmarked member of the grammatical opposition is less noticeable to the reader compared with the verb dominants of future and past tenses. However, the present tense forms of the verb have powerful semantic potential and when they are actualized in the poetic text as part of the morphological dominant, they convey a wide range of meanings. The forms of past and future tenses, participating in the formation of the morphological dominant, actualize one of the temporal plans of the narration - past or future, and also serve as a means of poetic expressiveness and a way of unfolding of the lyrical plot of a poetic work.

Key words: morphological dominant, poetic text, category of tense, morphological form, actualization, condensation.

Исследование морфологических форм грамматических категорий глагола, времени в том числе, проводилось во многих работах, где лингвисты в первую очередь обращали внимание на так называемое «художественное время» повествования. Темпоральный план лирического произведения неразрывно связан с его композицией, «в самом сопоставлении темпоральных планов может заключаться смысл текста, при этом формы настоящего, прошедшего или будущего часто несут концептуальную информацию и коррелируют с основной темой произведения» [7, с. 93]. Преобладание грамем одного из трех времен глагола либо их соотношение в поэтическом тексте или идиостиле рассматривалось в ряде работ по лингвопоэтике (например, в исследованиях Ю. М. Лотмана, А. К. Жолковского, Л. В. Зубовой, Н. А. Николиной, Л. Г. Пановой).

Темпоральная композиция лирического текста, которая ««скрепляет» элементы произведения во временном отношении», основывается на трех основных приемах – повторе, контрасте и монтаже [7, с. 101]. Основу глагольной доминанты времени поэтического текста, как и других типов

морфологической доминанты, составляет сгущение повторяющихся граммем настоящего, прошедшего или будущего времени.

Художественное повествование в лирическом произведении может осуществляться в плане реального или ирреального нарратива. Формы ирреальных глагольных наклонений, к которым относятся некоторые формы сослагательного, условного, желательного наклонений [12, с. 102-110], достаточно исследованы как в общезыковом аспекте, так и в сфере поэтического употребления. Например, Ю. М. Лотман отмечает, что в поэзии А. С. Пушкина, написанной хореем, фиксируется «переход от реального наклонения к каким-либо формам ирреального (оптатив, побудительное, гипотетическое и пр.)» [6, с. 168]. (Другие морфологические способы создания ирреальности, например, посредством колебания грамматического рода или употребления среднего рода, описаны в работах Е. А. Скоробогатовой [14]). Однако эти способы, в отличие от сгущения (о понятии сгущения подробно см.: [13, с. 6-8]) форм наклонения, не создают общего ирреального фона лирического нарратива.

Художественное повествование в реальном плане (в отличие от ирреального плана) стиховедами отмечается редко, и, следовательно, является недостаточно изученным, несмотря на то, что количество текстов с повествованием в реальном плане значительно преобладает над текстами с повествованием в ирреальном плане, которое передает желаемые или возможные при определенных условиях действия. По-видимому, это связано с «привычностью» как для исследователя, так и для читателя такого типа повествования, где события воспринимаются как реально происходящие (происшедшие, возможные) в художественном пространстве текста. Событийный план реального повествования передается глагольными формами изъявительного наклонения, в отличие от ирреального плана повествования, которое в основном передается другими грамматическими средствами (формы сослагательного наклонения, передающие значение условности или

желательности совершения действия). Ирреальный план повествования в поэтическом произведении – отмеченный, признаковый, в отличие от реального плана повествования.

Реальный план повествования, представленный глагольными формами изъявительного наклонения в трех временных планах – настоящего, прошедшего и будущего, в лирическом произведении не является отмеченным и выделенным. Внимание исследователей на него обращается гораздо реже, нежели на план ирреальный. Морфологическая доминанта одного из трех глагольных времен имеет ряд особенностей формирования, на которые несомненно влияют категория лица и вида.

Категория лица – это самостоятельная категория, способствующая выделению одного из «противопоставленных друг другу рядов форм, выражающих отнесенность или неотнесенность действия к участникам речевого акта» [12, с. 634]. Она является категорией, выразительные потенции форм которой представляются относительно равновероятными. Среди выделенных в лингвопоэтике Я-стихотворений, ТЫ-стихотворений, ОН-стихотворений, МЫ-стихотворений (см. работы И. И. Ковтуновой, З. Г. Минц, Б. А. Успенского), в которых преобладает та или иная форма лица, невозможно выделить те формы, которые в большей или меньшей степени влияют на выразительные возможности представленного стихотворения (как, например, в глагольных категориях наклонения). Ученые отмечают, что «семантика повелительного и сослагательно наклонения, непосредственно связанная с коммуникативными целями высказывания и намерениями говорящего, характеризуется «сильной» интенциональностью, тогда как изъявительное наклонение выступает в данном отношении как немаркированная форма» [2, с. 150]. Поэтому преобладающие в том или ином поэтическом произведении личные местоимения и личные глагольные формы воспринимаются нами как художественный прием изображения, позволяющий

представить повествование с той или иной позиции речевого акта и собеседника, а не как отдельный тип морфологической доминанты.

В ходе анализа стихотворения также учитываем родовые характеристики глагольных форм прошедшего времени, влияющие и на формирование морфологической доминанты рода, а также значение числа, вида и залога.

Данная статья посвящена исследованию того, как проявляет себя экспрессивный потенциал членов трехопозитной системы времени глагола в поэтическом тексте при условии скопления однородных по определенному морфологическому параметру единиц, образующих его доминанту, а также определению роли морфологической доминанты времени в передаче темпорального плана и в развертывании композиционной структуры лирического произведения. Анализ особенностей поэтического функционирования глагольной категории времени позволит выявить ряд общих закономерностей функционирования доминант в поэтическом тексте и проследить степень участия маркированных и немаркированных членов трехопозитной системы времени глагола в формировании экспрессивности данной морфологической категории, формирующей глагольную доминанту лирического произведения.

Глагольная категория времени охватывает формы изъявительного наклонения и представлена трехопозитной системой настоящего, прошедшего и будущего времени. Категория времени является «специфическим грамматическим отображением локализации действия / состояния на временной оси», точкой отсчета которого «является момент речи, представляющий собой единственный в языковом отображении событий ориентир, по которому говорящий-участник высказывания <...> локализует действие в одном из трех временных планов: настоящем, прошедшем и будущем» [11, с. 165]. Отличительным признаком, по которому время глагола относят к маркированным или немаркированным членам оппозиции, является «противопоставление по двум признакам: по признаку предшествования

действия / состояния моменту речи <...> и по признаку следования действия / состояния после момента речи» [11, с. 165]. Прошедшее и будущее время глагола как обладающие признаком предшествования моменту речи и следования действия после момента речи являются маркированными членами данной грамматической оппозиции. Ф. С. Бацевич и И. Н. Кочан считают, что семантика текстового воплощения «объективного» времени «воспринимается как “нормальная”, приемлемая и обычно не привлекает внимания адресата текста, не заставляет его специально задумываться над спецификой течения времени в тексте» (перевод наш – Н.С.) [1, с. 194]. Настоящее время глагола ввиду отсутствия дополнительного признака предшествования моменту речи или следования действия после момента речи является немаркированным членом оппозиции в системе времени глагола, хотя и располагает мощным семантическим потенциалом.

Наши наблюдения показывают, что сгущение глагольных форм одного из трех времен в поэтическом тексте или его фрагменте как части целостной структуры текста может становиться средством грамматической выразительности и передавать определенные поэтические смыслы.

Глагольная доминанта времени, реализующаяся в том или ином лирическом произведении, создает основу темпорального плана изображаемого и является неотъемлемой частью его композиционной структуры: «Повтор форм одного и того же времени, реализующих тождественные значения, образует композиционный “каркас” текста» [7, с. 91].

В отличие от глагольной доминанты наклонения, в которой ведущую роль выполняет форма (в основном повелительного и сослагательного наклонений), глагольную доминанту времени относим к выделяемому нами типу доминанты значения, поскольку сгущение глагольных форм одного и того же времени передает повествование в одном из трех временных планов, при этом глагольные формы являются носителями не только значения времени, но и значения лица, числа и рода (для глаголов прош. вр.).

Несомненно, «особую роль в современной поэзии играет настоящее время. Оно доминирует в текстах, относящихся к разным направлениям и школам» [8, с. 270]. Настоящее время глагола, функционирующее в поэтическом тексте, помимо установления «гомохонности ситуации избранной точки отсчета» [9, с. 103], имеет ряд особенностей употребления, некоторыми из которых являются объединение ситуаций, относящихся «к разным темпоральным срезам» [8, с. 269], ослабление процессуальности, выражаемой формами настоящего времени, которое компенсируется активизацией других грамматических средств [8, с. 271-273]. Формы настоящего времени глагола имеют мощный семантический потенциал и, формируя доминанту поэтического текста, передают широкий спектр значений.

Рассмотрим глагольную доминанту настоящего времени на примере стихотворения Веры Павловой «Кому-то в беде посылают ангелов...». Темпоральная композиция стихотворения представляет собой «презентную композицию» (термин Н. А. Николиной) [7, с. 109], т.е. ту, при которой текст организован формами настоящего времени:

*Кому-то в беде **посылают** ангелов*

*Мне **посылают** людей*

*То ли на всех **не хватает** ангелов*

*То ли **хватает** людей*

То ли посланных мне ангелов

***принимаю** впотымах за людей*

*То ли в людях **вижу** ангелов*

*и **не вижу** людей*

(Вера Павлова. «Кому-то в беде посылают ангелов...») [10, с. 25]

Глагольная доминанта настоящего времени, представленная глаголами *посылают*, *(не) хватает*, *принимаю*, *(не) вижу*, передает значение обобщенной ситуации, определенного жизненного опыта, что актуализируется обобщенно-личным предложением с формой глагола 3 л. мн. ч. *посылают* и безличной

формой глагола *(не) хватает*. Далее следует описание личностного опыта, выраженного глаголами 1 л. ед. ч.: *То ли в людях вижу ангелов / и не вижу людей*. Формальные показатели глаголов настоящего времени (флексии) в данном случае указывают не только на типичную повторяющуюся ситуацию, время от времени происходящую в настоящем, но и на ситуацию, которая уже происходила с лирическим героем, исходя из которой он обобщает некий повторявшийся опыт, а также ситуацию, которая может произойти в будущем. В данном произведении настоящее время «выступает как взаимодействие и вместилище различных темпоральных отрезков, при этом это не удержание мига, как было ранее, а скорее утверждение настоящего как основной формы времени» [8, с. 271]. Актуализация глагольных форм настоящего времени в данном случае работает в сочетании с другими приемами выразительности. Прежде всего, она происходит за счет перекрестного повтора лексем *ангелов* и *людей*, создающих определенную контрастивную семантику, которая усиливается повтором глагольных форм с отрицательной частицей *не*: *То ли на всех не хватает ангелов / То ли хватает людей / То ли в людях вижу ангелов / и не вижу людей*.

У Юрия Левитанского в стихотворении «Смерть» [5, с. 32-33] экзистенциальный смысл задан соположением названия стихотворения и формы настоящего времени. Сплошная доминанта настоящего времени передает цикличность повседневных будничных дел, выполняемых каждым человеком от начала жизни и до самого конца, с одной стороны (*Они также завтракают. / Ссорятся. Обнимаются. / Идут за покупками. / Целуются на мостах. / В бане моются. / На собраниях маются*), и непрерывность повторяющихся действий, осуществляемых разными людьми, приходящими в этот мир и неизбежно его покидающими, с другой (*Я давно знаю, / что, когда умирают люди / и земля принимает / грешные их тела, / ничего не меняется в мире – / другие люди / продолжают вершить / свои будничные дела*). В рассматриваемом лирическом тексте противопоставляется статика и динамика,

а именно, статичность смерти как финала жизни противопоставляется однородной череде действий.

Сплошная глагольная доминанта в этом произведении при факте отсутствия глагольных форм прошедшего и будущего времени является сплошной глагольной доминантой настоящего времени. По степени отмеченности данную глагольную доминанту относим к выделяемому нами подтипу фоновой (невыделенной) доминанты, поскольку глагольные формы настоящего времени являются немаркированными членами грамматической категории времени.

Несмотря на «доминирующую роль плана настоящего» [9, с. 102] не менее значимую роль в поэтической речи играет план прошедшего и план будущего времени. Именно эти формы времени «близки к наклонению и способны выражать комплекс модальных и оценочных значений» [9, с. 178]. Рассмотрим детальнее глагольную доминанту прошедшего и будущего времени.

Глагольные формы прошедшего времени являются маркированными членами оппозиции по наличию признака предшествования моменту речи. Глагольная доминанта прошедшего времени характеризуется наличием признака, отличающего ее от доминанты настоящего и будущего времени. Это категория рода, которая актуализируется в формах прошедшего времени и в отдельных случаях может составлять основу родовой доминанты вместе с граммами одного из трех родов существительного.

В стихотворении Александра Васильева «Сумасшедший дом» [4, с. 43-44] выделяем сплошную глагольную доминанту прошедшего времени, которая образует «претериальную» темпоральную композицию текста (термин Н. А. Николиной) [7, с. 109], т.е. композицию, образованную глагольными формами прошедшего времени. Стихотворение представляет собой последовательное описание происходившего хаоса, осуществляемого действиями *персонифицированных* предметов мебели (*стулья, комод, тумба, стол, кресло*), домашнего обихода (*метла, ведро, лапти, калоши, утюг,*

кастрюля, кадушка, печка, торшер, самовар), дома и его частей (изба, окно, ставни). Использование глагольных форм создает динамическую картину изображаемого посредством описания повторяющихся действий: *Изба ходила ходуном! / Ведро скакало кверху дном – / Его ногами били стулья; Во двор открытое окно / Крутилось, как веретено, / И ставни хлопали в ладоши. / Плясали лапти и калоши; Утюг с размаху бил по крыше; Крутился стол, качалось кресло. / Кадушка расплескала тесто, / Как маракас гремела печка, / Торшер примеривался к свечке / Бил самовар по стенке лбом...* Примечательно, что вышеуказанные действия оказывают невообразимое воздействие на живых обитателей, которые в ужасе и испуге разбегаются: *И этот милый сердцу звон / Поднял всех пчел в соседских ульях, / И те, жужжжа, умчались вон; С испугу разбежались мыши, / И кошка притворилась пнем.* В данном поэтическом произведении, как и во многих других стихотворениях со сплошной глагольной доминантой прошедшего времени (например, Вера Павлова «День катился золотой...», Ольга Надьярная «Он шел по темной улице...»), изображается конкретная произошедшая ситуация, дается определенная зарисовка, картина, мгновение из жизни.

Описанная глагольная доминанта прошедшего времени является сплошной (представлены граммы исключительно прошедшего времени) доминантой, подчеркивающей значение прошедшего времени, следовательно, доминантой значения и формы. Данную доминанту относим к актуализированному (выделенному) типу доминанты, поскольку она выражается членами маркированной глагольной категории времени.

У Юрия Левитанского в стихотворении «Собирались наскоро...» [5, с. 74] сплошная доминанта прошедшего времени передает скорость течения жизни, и как итог поэт утверждает: сделано многое, но не главное: *Собирались наскоро, / обнимались ласково, / пели, балагурили, / пили и курили; Виделись, не виделись, / ни за что обиделись, / помирились, встретились, / шуму натворили; Так и жили – наскоро, / и дружили наскоро, / не жалея*

тратили, / не скупясь дарили. Глагольные формы прошедшего времени передают быстротечность жизненных событий, их кажущуюся важность в данный момент при отсутствии самого важного в отношениях – поговорить и выслушать, что актуализировано повтором последних строк каждой из трех строф: *День **прошел** – как не было, / **Не поговорили**; Год **прошел** – как не было. / **Не поговорили**; Жизнь **прошла** – как не было, / **Не поговорили.*** То, что откладывалось ежедневно (*не поговорили*), растянулось на годы и прошло через всю жизнь.

Будущее время в языковой картине мира «лишено онтологической реальности» [9, с. 179]. Глагольные формы будущего времени могут «выделять желаемые факты, ситуации или, напротив, обозначать события, страшящие лирического героя, выражать возможность или невозможность действий, надежды или сомнения автора (лирического героя)» [9, с. 180].

Глагольная доминанта будущего времени в стихотворении Веры Павловой «Убежит молоко черемухи...» передает индивидуально-авторское видение будущего, своеобразное предсказание того, что будет: ***Убежит** молоко черемухи, / и душа босиком **убежит** / по траве, и **простятся** промахи / ей – за то, что не помнит обид, / и **очнется** мечта-заочница, / и **раскроет** свою тетрадь... / И не то чтобы жить **захочется**, / но **расхочется умирать**...* [10, с. 226]. Глагольная доминанта является дискретной, поскольку в стихотворении представлена одна глагольная форма настоящего времени (*не помнит*), относится к доминанте значения, передающей значение будущего времени, выделенной (актуализированной), поскольку представлена маркированным членом грамматической категории времени глагола.

В одном из стихотворений Георгия Иванова глагольная доминанта будущего времени передает боязнь утраты счастья: *Как лед, наше бедное счастье **растает**, / **Растает**, как лед, словно камень, **утонет**, / Держи, если можешь, – оно улетает, / Оно **улетит**, и никто не догонит.* [3, с. 80]. Дискретная доминанта будущего времени с вкраплением форм повелительного

наклонения (*держи*) и настоящего времени (*можешь, улетает*) актуализирует воображаемую картину будущего, индивидуально-авторское видение грядущего.

Так, сгущение глагольных форм одного из трех времен глагола приводит к образованию морфологической доминанты времени, которая является важной и неотъемлемой частью композиционной структуры произведения и участвует в передаче поэтических смыслов. Экспрессивность морфологической доминанты настоящего времени как категории, являющейся немаркированным членом грамматической оппозиции, менее заметна читателю по сравнению с глагольными доминантами форм будущего и прошедшего времени. Однако формы настоящего времени глагола обладают мощным семантическим потенциалом и при их актуализации в поэтическом тексте в составе морфологической доминанты передают широкий спектр значений и смыслов. Формы прошедшего и будущего времени, участвующие в формировании морфологической доминанты, актуализируют один из темпоральных планов повествования – прошедший или будущий, а также служат средством поэтической выразительности и способом развертывания лирического сюжета поэтического произведения. Перспективой исследования является дальнейшее всестороннее изучение различных типов глагольных и именных морфологических доминант поэтического текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бацевич Ф., Кочан І. Лінгвістика тексту: підручник. Львів: ЛНУ імені Івана Франка, 2016. 316 с.
2. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
3. Иванов Г. В. Что-то сбудется. М.: Эксмо, 2011. 384 с.
4. Книга, ради которой объединились поэты, объединить которых невозможно. М.: РИПОЛ классик, 2010. 272 с.

5. Левитанский Ю. Д. Окно, горящее в ночи. М.: Эксмо, 2011. 320 с. (Золотая серия поэзии).
6. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л.: «Просвещение», 1972. 271 с.
7. Николина Н. А. Темпоральная композиция поэтического текста. *Поэтическая грамматика.* / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / Е. В. Красильникова (отв. ред.) и др. М.: ООО Издательский центр «Азбуковник», 2013. Том II. С. 91–121.
8. Николина Н. А. Категория времени в современной поэтической речи. *Поэтика и эстетика слова: Сборник научных статей памяти Виктора Петровича Григорьева* / Под ред. З. Ю. Петровой, Н. А. Фатеевой, Л. Л. Шестаковой. М.: ЛЕНАНД, 2010. С. 262–273.
9. Николина Н. А. Категория времени глагола. *Поэтическая грамматика.* / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / И. И. Ковтунова, Н. А. Николина, Е. В. Красильникова (отв. ред.) и др. М.: ООО Издательский центр «Азбуковник», 2005. Том I. С. 73–187.
10. Павлова В. Из восьми книг: Избранные стихи 1983–2008 годов. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 286 с.
11. Русская грамматика / В. Барнетова, Е. Беличова-Кржижкова, О. Лешка, З. Скоумалова, В. Стракова; Науч. ред. К. Горалек. Прага: ACADEMIA PRANA, 1979. Т. 1. 664 с.
12. Русская грамматика. В 2-х т. / Ред. кол. Н. Ю. Шведова и др. М.: Наука, 1980. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 784 с.
13. Скоробогатова Е. А. Поэтическая морфология как направление лингвопоэтики и лингвокреативная практика филологического эксперимента. *Русская Филология: Вестник Харьковского национального педагогического университета им. Г.С. Сковороды.* Харьков, 2008. № 4 (66). С. 3–10.

14. Скоробогатова Е. А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени): Монография. Харьков: НТМТ, 2012. 480 с.

REFERENCES

1. Batsevych, Floriy, and Iryna Kochan. *Linhvistyka tekstu: pidruchnyk*. L'viv: LNU imeni Ivana Franka, 2016. Print.
2. Bondarko, Aleksandr. *Teoriya znacheniya v sisteme funktsional'noy grammatiki: Na materiale russkogo yazyka*. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002. Print.
3. Ivanov, Georgiy. *Chto-to sbudetsya*. M.: Eksmo, 2011. Print.
4. *Kniga, radi kotoroy ob "yedinilis" poety, ob "yedit' kotorykh nevozmozhno*. M.: RIPOL klassik, 2010. Print.
5. Levitanskiy, Yuriy. *Okno, goryashcheye v nochi*. M.: Eksmo, 2011. (Zolotaya seriya poezii). Print.
6. Lotman, Yuriy. *Analiz poeticheskogo teksta. Struktura stikha*. L.: «Prosveshcheniye», 1972. Print.
7. Nikolina, Nataliya. “Temporal'naya Kompozitsiya Poeticheskogo Teksta.” *Poeticheskaya Grammatika*. Moskva: Izdatel'skiy tsent “Azbukovnik”, 2013. Vol. 2. 91–121. Print.
8. Nikolina, Nataliya. “Kategoriya vremeni v sovremennoy poeticheskoy rechi.” *Poetika i estetika slova: Sbornik nauchnykh statey pamyati Viktora Petrovicha Grigor'yeva*. Edd by Z. Petrovoy, N. Fateyevoy, L. Shestakovoy. M.: LENAND, 2010. 262–273. Print.
9. Nikolina, Nataliya. “Kategoriya Vremeni Glagola.” *Poeticheskaya Grammatika*. Moskva: Izdatel'skiy tsent “Azbukovnik”, 2005. Vol. 1. 73–187. Print.
10. Pavlova, Vera. *Iz vos'mi knig: Izbrannyye stikhi 1983–2008 godov*. M.: AST: AST MOSKVA, 2009. Print.

11. *Russkaya Grammatika*. Edd by Vilma Barnetova, Helena Belickova-Krizkova, Oldfich Leska, Zdena Skoumalova, Vlasta Strakova. Praha: ACADEMIA PRAHA, 1979. Vol. 1. Print.
12. *Russkaya Grammatika*. Edd. by Nataliya Shvedova. Moskva: Nauka, 1980. Vol. 1. Fonetika. Fonologiya. Udareniye. Intonatsiya. Slovoobrazovaniye. Morfologiya. Print.
13. Skorobogatova, Yelena. “Poeticheskaya morfologiya kak napravleniye lingvopoetiki i lingvokreativnaya praktika filologicheskogo eksperimenta.” *Russkaya Filologiya: Vestnik Khar'kovskogo natsional'nogo pedagogicheskogo universiteta im. G.S. Skovorody*. 4 (66) (2018): 3–10. Print.
14. Skorobogatova, Yelena. *Grammaticheskiye Znacheniya i Poeticheskiye Smysly: Poeticheskyy Potentsial Russkoy Grammatiki (Morfologicheskiye Kategorii i Leksiko-Grammaticheskiye Razryady Imeni)*. Kharkov: NTMT, 2012. Print.